

Отзыв официального оппонента
на диссертацию Левандовского Андрея Никитича
«Сахалин второй половины XIX – начала XX века
в источниках памяти», представленную на соискание ученой степени
кандидата исторических наук по специальности 5.6.5 – Историография,
источниковедение, методы исторического исследования

Любое обращение к Сахалину как к теме исторического исследования можно всячески приветствовать уже потому, что он довольно редко предстает в качестве таковой. К тому же нынешнее изобилие методологических подходов, являющееся следствием известных эпистемологических «поворотов», даёт в распоряжение историка новые постановки вопросов и инструментов для ответов на них. А.Н. Левандовский делает заявку на рассмотрение своего предмета в одной из востребованных парадигм культурной истории – исследованиях памяти. Сахалин и память – уже само это сочетание открывает крайне интересные исследовательские перспективы. Например: можно ли говорить о Сахалине как о «месте памяти» - таком объекте, где сходятся духовное и материальное и кристаллизуются представления, которые становятся важной частью коллективной памяти? Многого говорит в пользу оправданности такой постановки вопроса, ведь «Сахалин» приобрёл символическое и метафорическое значение, превратился в слово-символ («сахалинские рожи», «по тебе Сахалин плачет»). Подобным образом диссертант проблему не ставит, однако сам разворот исследования о Сахалине в сторону проблематики памяти может выступать в качестве определённой подготовки для дальнейших исследований в этом направлении.

А.Н. Левандовский видит Сахалин как «особое историческое пространство» и избирает в качестве объекта исследования «комплекс разнообразных источников по истории острова Сахалин середины XIX – начала XX в.», отдавая центральное место источникам письменным и

визуальным. Предметом изучения выступает информация, фиксирующая индивидуальную и групповую коллективную память современников (чиновников, ученых и литераторов) о Сахалине. Иными словами, автор резко ограничивает радиус действия своей работы: не коллективная память общества в целом или его отдельных больших групп, а лишь фигурантов, оставивших свидетельства о Сахалине. Подобное ограничение оправданно, поскольку очевидно, что изучение образов Сахалина в общественном мнении и российской коллективной памяти предполагает совершенно иной масштаб работы, иные источники и методы. Вместе с тем нуждается в обосновании, возможно ли и на каких основаниях трактовать, например, нескольких посетивших Сахалин литераторов в качестве «группы», а их выраженные не диахронно, а синхронно свидетельства - как источники памяти.

Целью исследования является разработка методики критики и анализа комплекса источников, а также методология реконструкции образов острова Сахалина, созданных представителями отмеченных категорий. Задачами выступают выявление источников памяти по истории Сахалина, их классификация, формирование системы их характеристик, а также ряд задач, связанных с реконструкцией и анализом сведений, почерпнутых из указанных источников.

Объявляя в качестве первой задачи выявление источников исторической памяти, А.Н. Левандовский не поясняет ни того, что означает эта относительно новая в источниковедении категория, ни критерии отнесения к ней, ни соотношения с ней использованных в работе видов источников, ни их различающуюся ценность. Между тем, Н.Б. Селунская в ряде работ и особенно в статье ««Спасение от забвения...» Репрезентация прошлого в источниках исторической памяти» (Вестник МГУ. Сер. 8. 2020. № 4) детальным образом разработала многие из этих аспектов, включая разновидности источников памяти, их иерархию и т.д. Использование в диссертации работ Натальи Борисовны, несомненно, обогатило бы её

методологический инструментарий, причём применительно к самой тонкой, непосредственно касающейся поставленных задач проблематике.

В роли методологии фигурируют лишь самые общие подходы (историко-сравнительный и др.), в то время как, казалось бы, целесообразным привлечь и специфическую методологию, связанную с исследованиями памяти и могущую оказаться весьма плодотворной. В качестве одного только примера можно назвать введённое М. Хальбваксом и Я. Ассманом подразделение на коммуникативную и культурную память. Будучи применённым к проблематике исследования, этот подход, возможно, позволил бы уточнить или даже снять упомянутый выше вопрос о правомерности трактовки синхронных свидетельств в качестве источников памяти.

Достоинством источниковой базы диссертации является использование целого ряда архивных фондов и документов (ГА РФ, ИРЛИ, РГИА). Вместе с тем центр тяжести исследования лежит на опубликованных свидетельствах, в первую очередь принадлежащих авторам из указанных выше трёх групп – чиновников, литераторов и учёных. В частности, речь идёт об источниках личного происхождения, о делопроизводственных/бюрократических документах, публицистике, научных статьях и монографиях, периодической печати. В целом, можно согласиться с выводом автора о том, что источниковая база может служить основой для воссоздания картины штрафной колонии периода середины XIX – начала XX века (С. 41).

В разделе об историографии автор должным образом проделывает работу по систематизации и категоризации использованной литературы, выделяет этапы её развития, указывает на имеющиеся дефициты. Предметно показаны также разнообразные подходы, предлагаемые историками-регионоведами, специалистами по истории общественных движений, литературоведами и др. В результате правомерными оказываются вывод о практически полном отсутствии в исследованиях, посвященных Сахалину,

проблематики исторической памяти и намерение автора восполнить этот пробел (С. 25).

Структура диссертации подчинена определённому замыслу, который представляется достаточно логичным: деление на главы производится соответственно трём категориям свидетельств (первые две отводятся чиновникам, третья – литераторам, четвёртая – учёным); внутри каждой из глав выделяются определённые сквозные темы (хозяйственная деятельность, условия существования ссыльных и каторжан, тюремная администрация, местное население и др.), по отношению к которым приводятся и анализируются высказывания лиц из упомянутых трёх категорий; деление на параграфы в значительной степени совпадает с этими сквозными темами.

I глава «Методика реконструкции взглядов чиновников-оптимистов на будущее и настоящее острова Сахалин на основе источников исторической памяти» начинается с некоторых вводных замечаний. В соответствии с общими принципами научного знания автор стремится определиться с рядом терминов и понятий, в частности, с понятием «чиновник», утверждая при этом, что именно в среде чиновников «формировался тот образ острова, который будет доминировать в общественном сознании на первых этапах освоения данной территории» (С. 50). Убедительность этого утверждения весьма спорна, поскольку оно никак не доказывается и, собственно, на базе имеющихся источников, не позволяющих судить ни о каких общественных реакциях, доказано быть не может. Впрочем, это никак не может повлиять на общую оценку диссертации, поскольку приведенное высказывание выходит за рамки чётко очерченных автором во Введении тематических ограничений.

Несколько иная ситуация с предложенным А.Н. Левандовским и магистральным не только для описания оценок чиновничества, но, по большому счёту, и иных фигурантов диссертации подразделением на «оптимистов» и «пессимистов». Это подразделение осуществляется в соответствии с их оценками состояния дел на Сахалине, однако для

использования таких терминов в качестве аналитических категорий необходимы, как представляется, некоторые дополнительные обоснования. Во-первых, следовало бы оговорить, что эти понятия используются не в буквальном смысле слова, а, скорее, как модель, и что автор понимает её условность - тот факт, что в реальности никакой тотальности негативного либо позитивного восприятия не существовало. И, конечно, выражением такого понимания должно было стать использование этих терминов исключительно в кавычках, чего в диссертации не происходит. Впрочем, в ходе дальнейшего исследования автор не раз указывает на относительность такого подразделения (С. 61, 66, 75, 98, 135).

Во-вторых, следовало бы показать, что даёт подобное подразделение непосредственно для того аспекта темы, который отражён в самом названии диссертации – изучения источников исторической памяти. Здесь вновь приходится высказать сожаление, что диссертант упустил из виду упоминавшуюся выше работу Н.Б. Селунской, в которой, например, говорится, что «критерием выбора из комплекса нарративных источников тех, которые могут быть включены в структуру источников изучения исторической памяти, является их потенциальные информативные возможности «увидеть» прошлое, обогатить историческое знание эмоционально-психологическим восприятием образа прошлого» (Селунская Н.Б. Указ. соч. С. 120). В свете подобного указания на важность эмоциональной, психологически-оценочной составляющей деление на «оптимистов» и «пессимистов», возможно, получило бы релевантность и с точки зрения оценки оставленных ими свидетельств в качестве источников памяти.

Первый параграф главы погружает читателя в исторический контекст, знакомит с действиями официальных властей в сахалинском вопросе с его главной коллизией – решением об освоении Сахалина на основе не добровольного переселения, а устройства каторги. Справедливо выделяется и

иная эволюция правительственной политики – с 1890-х гг., во многом под воздействием критических голосов в публицистике, под сомнение ставится сама возможность колонизации острова; с итогами русско-японской войны все надежды на это закончились крахом (С. 60).

Последующие параграфы посвящены анализу оценок «оптимистами» положения дел на острове по 6-ти выделенным автором направлениям: сельское хозяйство, промыслы, положение каторжан, компетентность местной администрации, инфраструктура, взгляд на коренных жителей. Диссертант выводит на сцену целую плеяду чиновников различного уровня и характера деятельности – В.И. Власова, М.С. Мицуля, М.Н. Галкина-Варского и др. Следует отметить, что автор последовательно реализует высказанный ещё в Введении тезис о важности для понимания оценочных суждений того или иного фигуранта его личного и социального профиля, системно предпосылая каждому из них достаточно подробные характеристики. Оценки этих чиновников были в целом положительными, однако А.Н. Левандовский справедливо обращает внимание на то, что речь шла скорее не о видении текущей ситуации, а об «образах будущего» Сахалина: «можно сказать, что положительный образ острова заключается не во фразе «на Сахалине все хорошо», а во фразе «на Сахалине все будет хорошо» (С. 136). В каких-то случаях, как, в частности, в отношении характеристик работавших на острове чиновников, автор отмечает, что позитивная их часть «скорее строится на опровержении критики, которая появлялась в прессе после публикации «Острова Сахалин» А.П. Чехова» (С. 85). Детальное рассмотрение взглядов чиновников-«оптимистов» в конце главы завершается их обобщением, однако без какого-либо выхода на проблематику источника исторической памяти.

Глава 2 «Методики анализа персональных оценок чиновников-пессимистов опыта колонизации острова Сахалин середины XIX – начала XX в.», посвященная чиновникам-«пессимистам», следует тем же выделенным

ранее 6 векторам, причём автор отмечает, что, в отличие от «оптимистов», их оценки адресованы непосредственно текущему моменту. Наиболее значимые фигуры – новый начальник Главного тюремного управления М.Н. Саломон, Н.Я. Новомбергский, А.А. Панов и др. А.Н. Левандовский входит в мельчайшие детали их аргументации относительно бесперспективности развития на острове сельского хозяйства, промыслов, добычи полезных ископаемых и т.д. Диссертант старается создать дифференцированную картину взглядов чиновников, сравнивая их и чётко проводя различия, выявляя черты сходства. Так, применительно к вопросу о положении ссыльнокаторжных на Сахалине А.Н. Левандовский отмечает значительное сходство их позиций, поскольку все они считали, что «жизнь на острове не только не исправляет, а наоборот, только развращает заключенных, так как вся обстановка, созданная вокруг них, подталкивает на совершение преступлений» (С. 102). Этот тезис доказывается в том числе подробным изложением условий существования не только каторжан-мужчин, но и женщин и детей, а также обращением к конкретной истории произвола – т.н. «Онорскому делу» 1892 г. (С. 118-120). Подчёркивается, что обращение к темам морально-нравственного положения ссыльнокаторжных и компетентности местных чиновников составляет важное отличие чиновников-«пессимистов» от рассмотренных ранее «оптимистов».

В этой главе впервые появляется изобразительный материал, а именно фотографии из книг «пессимистов». Нельзя сказать, что их анализ является сильной стороной диссертации, что неудивительно, поскольку изображение представляет собой сложный комплексный источник, требующий применения специальных методов анализа как применительно к нему самому, так и к его многочисленным контекстам, в том числе к характеру публикации (в данном случае речь идёт о типе т.н. «текста вокруг», т.е. иллюстрации в печатном издании). Так, на взгляд автора, эти иллюстрации приводились «для создания мрачного образа штрафной колонии» (С. 131).

Между тем, первая же из них несёт в себе совершенно противоположный смысл – это откровенно постановочная фотография (опрятно одетые каторжане, глядя на фотографа, синхронно ставят ноги на лопаты, а в центре композиции чиновник отдаёт рапорт начальнику) с общим посылом о благополучном положении дел под грамотным руководством (С. 128).

Отмечая относительность подразделения чиновников на «оптимистов» и «пессимистов», А.Н. Левандовский тем не менее приходит к справедливому выводу о принципиальном различии между ними: вторые ставили под сомнение «всю изначальную концепцию правительства, рисуя Сахалин, как поросшую лесами заболоченную тундру, малопригодную к занятию сельским хозяйством, что толкает каторжан на разнообразные преступления» (С. 137).

В начале 3 главы «Источниковедческие проблемы реконструкции восприятия острова Сахалин современниками-литераторами» автор справедливо обращает внимание на различия, существовавшие между чиновниками острова и посещавшими его литераторами, касавшиеся как их общих социокультурных характеристик, так и побудительных мотивов. Импонирует и сама постановка вопроса в духе современной проблематики соотношения между социальным знанием, конкретно-историческими реалиями и действиями отдельного человека: «как уже существующие образы острова и социальный запрос на определенную картину действительности влияли на восприятия Сахалина литераторами» (С. 48).

В последующих параграфах А.Н. Левандовский подразделяет всех авторов на три категории по критериям содержания и происхождения их текстов и рассматривает их видение ситуации на острове Сахалин в соответствии с теми же основными направлениями, которые ранее были выделены для оценок чиновников. Тем самым создаётся целостная база для разного рода группирований и сравнений.

При всех различиях в исходных побуждениях (например, А.П. Чехов стремился к передаче объективной и полной картины ситуации на острове, а В.М. Дорошевич тяготел к сенсационности) многие оценки литераторов совпадали. Так, Сахалин в целом оценивался как богатый регион, многие отрасли которого «не приносят должной прибыли из-за плохой организации и некомпетентности ответственных за это людей» (С. 156).

Анализируя высказывания литераторов о каторжном труде, автор обращает особенное внимание на в чём-то даже удивительный факт: тот самый тяжкий труд, который даже у ряда чиновников вызывал острую критику литераторы, в том числе А.П. Чехов, «рисуют... не только в черном цвете, но даже признают его необходимость для нужд колонизации» (С. 164). Нечто подобное подмечается и в отношении оценок писателями госслужащих, которые часто оказываются «далеко не злодеями, а порядочными людьми» (С. 177).

Иная картина складывается с литераторами второй группы, рисующими картину жизни на Сахалине в гораздо более мрачных тонах. Однако проведённый А.Н. Левандовским источниковедческий анализ показывает, что во многом это диктовалось внешними обстоятельствами, а именно запросом на как раз такой образ России – в случае И.И. Мейснера в Европе, в случае прочих авторов – с советской России (С. 189-190).

В самом начале 4 главы («Реконструкция интерпретаций и оценок учеными острова Сахалин, отраженных в текстовых и визуальных источниках») диссертант правомерно вновь прибегает в первую очередь к анализу источников с точки зрения их происхождения и авторства, отмечая, что главное отличие свидетельств, представленных в главе, заключается в самой их направленности – учёные стремились проводить исследования, а не привлекать широкую аудиторию, поэтому приоритеты в них расставлены совершенно иным образом, чем у литераторов и госслужащих (С. 201). Кроме того, различия диктовались уже профессиональным профилем того

или иного учёного. Дальнейшее исследование вновь сосредотачивается на оценках учеными (в числе которых выделяется яркая фигура Б.О. Пилсудского, участника «Народной воли» и брата Ю. Пилсудского) всё тех же параметров островной жизни, выделенной автором в самом начале диссертации. Анализ их взглядов приводит к ряду выводов о негативном восприятии учёными местной администрации, о повышенном, по сравнению с уже рассмотренными категориями, внимании к местным «инородцам» и др. Касаясь переписки данных фигурантов, А.Н. Левандовский верно отмечает, что её тематика во многом определялась как интенциями автора, так и обликом адресата (С. 216). В целом, автор выделяет три основных позиции по отношению к штрафной колонии, которые содержатся в текстах учёных, – положительную, негативную и промежуточную (С. 229).

В Заключении подводятся итоги исследования, представляющие собой обобщение уже сделанных по главам выводов об оценках трёх исследованных групп источников, которое вновь располагается автором преимущественно на шкале «пессимизм – оптимизм».

В качестве наиболее общего пожелания хотелось бы отметить, что автору следовало бы в значительно большей степени – и по ходу диссертации, и в промежуточных выводах, и в Заключении – обращать внимание на характер и значение использованных в диссертации документов именно как «источников памяти», в то время как он в большей степени сосредоточился на реконструкции описываемой ими действительности. Вместе с тем, указанный акцент на реконструкцию не только не противоречит поставленным во Введении задачам диссертации, но и прямо соответствует большинству из них, что позволяет считать их выполненными.

Автореферат полностью соответствует диссертационному исследованию. Диссертация А.Н. Левандовского отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации

соответствует паспорту специальности 5.6.5 – Историография, источниковедение, методы исторического исследования (по историческим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1–2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, она оформлена согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, Левандовский Андрей Никитич заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.5 – Историография, источниковедение, методы исторического исследования.

Официальный оппонент:
доктор исторических наук,
доцент кафедры новой и новейшей истории
исторического факультета ФГБОУ ВО
«Московский государственный
университет имени М.В. Ломоносова»

А.С. Медяков

06.12.2023 г.

Контактные данные:
тел.: +7-495-939-35-66, e-mail: faculty@hist.msu.ru
Специальность, по которой официальным оппонентом защищена
диссертация: 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы
исторического исследования

Адрес места работы: 119234, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27,
корпус 4, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени
М.В. Ломоносова» Тел.: +7-495-939-35-66, e-mail: faculty@hist.msu.ru

Подпись Медякова А.С. заверяю:

Подпись
заверяю

